

Оккупация. Воспоминания из детства

Людмила Фарdziнова

Обычно детство - самая светлая пора жизни. Но не тогда, когда она пришлась на оккупацию. Воспоминания, которые в нашу редакцию прислала уроженка Таганрога (ныне – жительница Белой Калитвы) Людмила Фарdziнова, связаны именно с ней. В 1941 году Людмиле Фёдоровне исполнилось всего пять лет. Она жила в переулке Мечниковском.

Мой папа Фёдор Иосифович Долгополов работал парторгом. В один из осенних дней мама с бабушкой стали собирать в узлы самое необходимое. Сказали, что мы уезжаем. Все долго ждали машину, но вечером маму позвали к телефону. Вернувшись, она стала разбирать вещи. На работе папе объявили, что могут выделить лишь один «УАЗик» и эвакуируются только руководство предприятия да он - увозят документы.

В переулке Антона Глушко горели склады с продовольствием. Люди несли оттуда то, что удалось спасти из огня. Я стояла на коленях перед ямой с чем-то сладким (мёд или патока?) и ела-ела-ела...

В город вошли немцы. Бабушка очень переживала, что нас как семью коммуниста выдаст кто-нибудь из соседей. Но всё обошлось. Мама устроилась на работу в больницу №3 в переулке Красном. Слева от входа во двор была большая палата, где на лечении находились наши пленные. Их охраняли полицаи. Мы с младшей сестрой приходили к маме, нас ставили на табурет посреди этой огромной комнаты, и мы читали стихи для наших раненых:

*«Когда был Ленин маленький
С курчавой головой...»*

До сих пор не могу понять, как это сходило нам с рук...

Перед этой комнатой была большая веранда. Однажды при мне открыли ведущую на неё дверь, а внутри - трупы замёрзших людей, похожие на брёвна. Конечно, бабушка не хотела, чтобы я их видела, - она загоразживала собой вход, но я это помню...

Среди раненых был летчик Анатолий Попов. К нему приходило много людей - приносили передачи. А потом он сбежал из больницы (говорили, что ему помогли рыбаки). Работников стаяли вызывать на допросы в комендатуру. Приехали и за мамой— большой, полный немец в маленькой легковой машине. Мне было очень страшно. Допрашивали её трое суток. Потом поверили, что не участвовала в подготовке побега и отпустили. Домой она вернулась сильно избитой. Бабушка её лечила, а кожа мамы висела клочьями...

Двоюродная сестра папы тётя Дуся очень боялась, что её угонят в Германию. Она, дав мне тряпку, чтобы я не обожгла руки, посылала меня в соседний двор за крапивой и прикладывала её к своему телу. Появлялась сыпь, и немцы считали, что тётя больна. Помню, как она радовалась. Всё время приговаривала: «Какие хорошие ожоги получаются...»

30 августа 1943 года в Таганрог вошли танки – наши! Они ехали по Мечниковскому переулку. Все вышли на улицу, радовались, плакали от счастья. К одному из танков подбежал паренёк из нашего двора Виктор Ковалев. Ему было 14 лет. Протянул руки. Танкисты его подхватили, посадили на броню, и он уехал с ними. Соседи позже говорили, что он воевал да самой Победы, а потом закончил факультет журналистики

и стал корреспондентом газеты «Труд»...

В городе начали судить не успевших сбежать полицаев. Некоторых вешали прямо на Банковской площади. Бабушка не пускала меня смотреть на казнённых предателей, однако я всё равно сбежала. Увидела виселицу, которая стояла у продовольственного магазина, и раскачивающиеся тела. В эту ночь спала плохо, да и сейчас страшное зрелище нет-нет, да и всплывёт в памяти...

Зато вернулся папа. На фронт его не взяли, потому что у него был повреждён позвоночник. И он работал заведующим отделом агитации и пропаганды Ленинского РК ВКП(б) на пересечении улицы Ленина и переулочка Исполкомского...